

О. А. ДЕРЖАВИНА

**ПЬЕСА 20-х ГОДОВ XVIII в. «СЛАВА ПЕЧАЛЬНАЯ»
И ЛИТЕРАТУРА ЭТОГО ПЕРИОДА**

22 октября 1721 г. в приветственной речи, обращенной к Петру I, канцлер граф Гаврила Иванович Головкин так выразил основное значение реформ, проведенных царем: «Вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены».¹

Из этих слов можно видеть, что уже современники не могли не признать, что царь-реформатор «дал первый стремление столь обширной громаде, которая, яко первенственное вещество, была без действия». И это было справедливо.

Лучше других умела откликаться на современные события школьная драма: пьесы, ставившиеся в Славяно-греко-латинской академии и в Госпитальной школе д-ра Бидлоо. Это объясняется тем, что и сам Бидлоо, человек по тому времени широко образованный, интересующийся искусством и театром, и его ученики умели сделать постановки своего театра злободневными, отвечающими требованиям текущего момента, а этого именно и ждал Петр от театра.

Известно, что в 1723 г. при возвращении Петра из персидского похода Бидлоо устроил в его честь представление комедии, по предположению П. Н. Беркова, — «Диалога о Гофреде, победившем сарацины». В госпитальном же театре шла драма на исторический сюжет «История Александра Македонского и Дария», причем под Александром подразумевался Петр I.²

¹ Цит. по кн.: П. Н. Берков. К истории русского театра 1720-х годов. — ГОДРА, т. X, М.—Л., 1954.

² См.: Ф.-В. Берхгольц. Дневник камер-юнкера. М., 1858, ч. III, 4 января 1723 г., стр. 9.

Как видно из заглавий указанных драм, школьный театр при московском Госпитале в отличие от театра Славяно-греко-латинской академии с самого начала поставил перед собой задачу играть светские пьесы, откликающиеся на современные события, и первоначально организаторы театра предполагали осуществить эту цель с помощью постановок пьес на исторические сюжеты.

Но, по-видимому, в пьесах на исторические темы трудно было показать достижения эпохи и достаточно прославить царя Петра. Это заставило авторов пьес в своих драматических опытах перейти к широко популярным в школьной драме условным символическим образам, с которыми можно было обращаться свободнее, чем с историческими лицами. Это и олицетворения отвлеченных понятий, и олицетворения стран, и персонажи, взятые из античной мифологии. Так построены пьесы «Слава российская», разыгранная в московском Госпитале 18 мая 1724 г. по случаю коронации императрицы Екатерины I в присутствии царя и царицы, и «Слава печальная», написанная после смерти Петра и посвященная его памяти. В пьесах такого рода легче и ярче можно было показать путь, пройденный страной за короткий период с конца XVII до 20-х годов XVIII в. и роль на этом пути царя-преобразователя.

«Слава российская»³ — типичная школьная драма, написанная на «случай». В ней нет ни одного живого действующего лица, как нет и живого действия. Это не пьеса в собственном смысле слова, а скорее декламация. В ней «действуют», как сказано в эпилоге, только «измышленные персоны», т. е. всевозможные олицетворения, а именно: Добродетель российская, изображающая Екатерину I, Россия, Турция, Персия, Швеция (Свеция), Польша (Полония), Мудрость, Премудрость, Истина, Рассуждение, Благочестие, Слава, Виктория; отрицательную роль играют Зависть, Гордость, Гнев. Рядом с ними действуют Фурии, Купидо, Нептун, Марс и Флора, причем характерно, что имена античных богов и богинь для автора только условные обозначения (Марс — война, Нептун — море, Паллада — наука). В своих речах они неоднократно славят христианского бога и молятся ему. Крепость Дербент изображается в виде пирамиды с надписью «Достойному вдаюся».

Пьеса состоит из антипролога, написанного стихами, пролога и эпилога (оба — в прозе) и двух актов, написанных силлабическими стихами с парной женской рифмой. Большая часть стихов — тринадцатисложные, с цезурой после 7-го стиха, но местами автор использует шестисложный стих, а иногда и строфы особого состава (см. сцены 2-ю и 3-ю II акта). Местами в речи действующих лиц вставлены латинские стихи, частично, как указал

³ Пьеса издана М. И. Соколовым: ЧОИДР, 1892, кн. 2.

М. И. Соколов, заимствованные из «Энеиды» Вергилия. Имена действующих лиц даются в большинстве по-русски и по-латыни. На латинском языке написаны некоторые ремарки, которых в пьесе очень немного. Перед каждой сценой вкратце излагается ее содержание. В пьесу введены канты, т. е. пение, без указания, кто поет. Из ремарки 6-й сцены I акта, где сказано: «Истина, Мужество, Марс, Мужество России пение принесят» — можно заключить, что пелись и отдельные речи действующих лиц.

В двух первых сценах I акта Плачущую Россию утешают Истина и Предупреждение, а Марс, Нептун и Паллада обещают ей свою помощь. В 3-й сцене Турция, Швеция, Персия и Польша хвалятся своим богатством и могуществом. Появившаяся Слава повествует о победах России и приглашает государства «России под нозе себе преклонити». При появлении России, сопутствующей Марсом и Палладой, государства скрываются; в сцене 4-й они признают ее превосходство, Швеция боится с ней ссориться, а Польша явно ищет ее покровительства. Только Турция остается страной, по-прежнему враждебно относящейся к Русскому государству. Сцена 5-я символически изображает взятие Дербента. Несмотря на притязания других государств, именно России, как наиболее достойной, Персия считает возможным передать ключи от Дербента. Последняя 6-я сцена — апофеоз новой России.

В прологе успехи России связываются с деятельностью Петра I: «...сея радости не ин кто есть виновен, — говорится там, — точно вседержавнейший наш Император, отец Отечества всероссийского, Петр Первый именем, Петр Великий делом и мужеством. Блаженна убо еси, Россие, яко такового защитителя себе иметь сподобилася еси, ибо не его ли Мужеством и Премудростию вся добре к тебе устроишася? не его ли Мужеством благополучныя тишины, о, Россие, дошла еси? Благополучна еси, российская Корона, яко такового Государя содержиши, ибо не его ли Мужеством несколько победительных Корон под область тебе присовокупишася? Блаженны есте и треблаженны, российстии сынове, яко такового Милостиваго Отца отечествия вашего возыместе. Не его ли промыслом под Полтавою и в других местах благополучная одержана виктория? не его ли храбростию ключь Дербенского града Персия российстей вручила державе? Вкратце рещи: Его величества премудрым разумом и неусыпным тщанием из неславы слава российская ныне сотворися, от которой везде имя его страшно и славно проносится».

Во II акте аллегорически изображается коронавание Екатерины I. Этот акт вдвое короче I: в нем только три сцены. Коронавание происходит во 2-й сцене. Досадно, что центральный момент, когда Россия венчает короною российскую Добродетель, отсутствует: здесь как раз в рукописи недостает листа.

3-я сцена представляет собой апофеоз российской Добродетели, которая в заключение благодарит всех участников торжества и

предлагает им «честно» разойтись «в своя квартиры». В кратком эпилоге актеры просят благоразумных зрителей простить их за невольные погрешности.

«Слава печальная» очень близка по своему характеру и построению к разобранной выше пьесе. Она дошла до нас в двух списках. Первый находится в сборнике, принадлежащем Институту русской литературы в Ленинграде.⁴

Второй список пьесы хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, в сборнике середины XVIII в., приобретенном библиотекой в 1963 г. у О. К. Русановой.⁵

Текст пьесы этого списка близок к тексту списка ИРЛИ, хотя заглавие пьесы в том и другом списке читается по-разному: в списке ИРЛИ — «Слава печальная, российский народу смерти Петра Великого ... плачевную весть внесшая»; в списке ГБЛ — «Слова печальные о смерти Петра Великого ... песнь внесшая».

Таким образом, в списке ИРЛИ весть о смерти Петра народу приносит Слава, являющаяся персонажем пьесы; в списке ГБЛ пьеса о смерти Петра — это песнь, заключающая в себе «слова печальные» о смерти Петра. В пьесе действительно отдельные места пелись. В списке ИРЛИ в заглавии назван один из персонажей пьесы, в списке ГБЛ название указывает на характер пьесы.

Сопоставляя тексты, приходим к выводу, что более ранним является список ИРЛИ, он более исправен; в списке ГБЛ пропущен ряд строк и некоторые пояснения, имеющиеся в списке ИРЛИ. Так, в списке ИРЛИ и в прологе и в эпилоге указывается, что на следующий день будет поставлена другая пьеса — уже радостная — о вступлении на престол «всероссийской матери, ея императорского величества всепресветлейшия государыни императрицы Екатерины Алексеевны». Зрителям обещается, что утром они возрадуются, «зря российску добродетель мать свою воцаренну». В списке ГБЛ и в прологе и в эпилоге соответствующие места выпущены. Это также свидетельствует о более позднем происхождении списка ГБЛ, сделанного, по-видимому, после воцарения Екатерины I, когда это событие уже потеряло свое значение.

---

⁴ ИРЛИ, Р. П., оп. 1, № 380, л. 1—21. Рукопись в 4°, 208×61 мм на 47 листах, XVIII в. (филиграния: герб с буквами РЛ, МР, Ф). Чистые листы 1—1 об., 21 об. и 33—47 об., лист 48 наклеен на обложку. На л. 22—32 об. — пьеса «Диалог о Гофреде». Указанный список «Славы печальной» опубликован С. А. Щегловой в статье «Неизвестная драма о смерти Петра I» (ГОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 385—404).

⁵ ГБЛ, ф. 218, № 17, л. 117—153 об. Сборник представляет собой рукопись в 4° на 205 листах (I—II+203 лл.; 203 пустой); переплет сборника картонный, бумага с филигранями: литеры ВФ и СТ в волнистых прямоугольниках. Бумага с этими филигранями выпускалась с 1765 по 1766 г. на Вологодской фабрике Турунтаевского.

С. А. Щеглова, опубликовавшая пьесу «Слава печальная», в статье, предпосланной тексту, характеризует ее как типичную школьную драму начала XVIII в. Совершенно справедливо она сопоставляет ее с пьесой «Слава российская», о которой речь шла выше. Как и «Слава российская», «Слава печальная» состоит из стихотворного антипролога, прозаических пролога и эпилога и текста самой пьесы. В «Славе печальной» это один акт, состоящий из 7 явлений. Вместо II акта, который мы находим в пьесе «Слава российская», зрителям обещана другая пьеса — о воцарении Екатерины I, которую они увидят на следующий день. «Это разделение одной по существу пьесы на два представления, — пишет Щеглова, — объяснялось, вероятно, тем, что непосредственный переход от темы скорби к теме радости мог разбить впечатление».⁶

Акт I делится на две части, как и I акт «Славы российской». Там вначале печальная Россия оплакивает свое бедственное состояние, а затем положение резко меняется: Россия с помощью Нептуна, Паллады и Марса становится могучей и славной, всеми уважаемой страной; здесь, наоборот, Россия благодарит божество за то, что она всеми возносится и уважается за свои победы на суше и на море и за процветание в ней наук, и ее прославляют Нептун, Паллада, Марс, подчеркивая, что все это достигнуто волею и мужеством Петра.

Нептун говорит об основании Петербурга и Кронштадта, о молодом русском флоте, о победах на Каспийском море; Паллада (Минерва) радуется, что в России теперь процветают архитектура, оптика, механика, медицина, изучается и звучит музыка; Марс сообщает о новом строении войска, которое победами завоевало России всемирную славу.

Переход ко 2-й части пьесы — известию о смерти Петра и плачу о нем — построен в форме загадки-аллегии, которую предлагает присутствующим появившееся на сцене Предупреждение:

Что се есть?

Выцвел цвет в поли, быть еще нет воли, бежит к нему коса, сама весма боса;	Тотчас его скосило, Сердце всем уныло. Цвет бо когда упал, Страх всем напал.
---	---

Разгадать загадку просят Гениуша. Он разъясняет значение аллегии, но Россия и другие персонажи ему не верят: «Мальчик малы, не диво — гадать не умеешь!» — говорит Россия. Но тут же появляются Слава печальная, «крыле отпадши», и Меркурий и сообщают о смерти Петра.

---

⁶ С. А. Щеглова. Неизвестная драма о смерти Петра I, стр. 381.

К плачущим присоединяются Персия, Польша и Швеция. Появляются Вечность и олицетворения добродетелей Петра: Благодетель, Мужество и Премудрость. Вечность грустит о смерти Петра и одновременно радуется, принимая в свои объятия умершего императора.

В то время как в «Славе российской» действуют только «измышленные персоны», в «Славе печальной» в конце появляются и живые люди: старики, потерявшие в Петре своего заступника, и молодежь, которая плачет о своем учителе — царе-просветителе. Скорбят о Петре также «кавалеры» — воины, оплакивающие своего полководца.

Смерть императора в речах персонажей изображается с помощью ряда образов: «угасла свеча», «померкло солнце», «ветвь благородну, красну зрю увядшу», «отягчен тяжким камнем все-российский камень» (игра слов: Петр — камень), Петра называют также «твердым адамантом», «российским атлантом», который «в трудах всегда бываше, себе не жалея».

Пьеса заканчивается сценой похорон Петра: воины-«кавалеры» поднимают гроб и несут его под пение стихов, в которых Вечность, обращаясь к России, просит ее «престать рыдати», а музам приказывает «петь слезно».

«Сходство замысла и внешнего оформления, — пишет С. А. Щеглова, — наводит на мысль, что обе упомянутые пьесы, близкие по времени, написаны одним автором».⁷ Этим автором, по-видимому, был «ученик хирургической науки» Федор Журовский.

М. И. Соколов, издавший пьесу «Слава российская», устанавливает авторство Журовского на основании записи, сделанной полатыни на последнем листе рукописи пьесы тем же почерком, которым писана и вся рукопись. Эта запись почти целиком сохранила фамилию Журовского, а из второй ее строки можно сделать заключение, что Журовский был не только автором, но и постановщиком пьесы.

Из истории Славяно-греко-латинской академии известно, что должность ректора и настоятеля Заиконоспасского монастыря временно исполнял иеромонах Феофилакт. М. И. Соколов предполагает, что под именем иеромонаха Феофилакта скрывается не кто иной, как Федор Журовский, как известно, избравший монашество вместо военно-медицинской службы в Астрахани. Если он в 1732 г. в сане иеромонаха назначен был ректором Славяно-греко-латинской академии и управлял монастырем, следует думать, что в 20-е годы, учась в госпитальной школе д-ра Бидлоу, он был уже зрелым, достаточно образованным человеком и мог заняться сочинением и постановкой комедий «на случай». Последние сведения о нем относятся к 1741 г.

⁷ Там же, стр. 382.

Об образованности и талантах Федора Журовского можно судить и по содержанию принадлежащих ему пьес. Они обнаруживают хорошее знание латинского языка, античной мифологии, политической обстановки своего времени, а также умение хорошо владеть силлабическим стихом.

Любопытно сопоставить пьесы Журовского с литературой того времени. Идеи, проводимые в пьесах, и оценка деятельности Петра, которую дает в них автор, перекликаются с публицистикой 20-х годов XVIII в. и с произведениями первых русских писателей — Ф. Прокоповича, В. К. Тредиаковского, а позднее М. В. Ломоносова.

Если мы вспомним Слово, сказанное Феофаном Прокоповичем на погребении Петра Великого, мы увидим, что оно развивает те же самые мысли, которые высказаны в пьесах Журовского.⁸

Очень близка пьеса «Слава печальная» к элегии В. К. Тредиаковского «О смерти Петра Великого», написанной, как указывают комментаторы, вслед за этим событием.⁹

Мы видим здесь, как и в пьесе, плачущую Россию, огорченную Славу, которая «вопиет в печали безмерна», перечисляя достоинства Петра, Вселенную, стонущую в слезах:

Почто весьма сиру мя оставил, любимый?
Кто мя, вселенну, тако иной царь прославит,
Кто толики походы во весь свет устави?
Всюду тебе не могла сама надивиться!
Но уже Петр во мне днесь, Петр живым не зрится?

(стр. 69)

В элегии, как и в пьесе, появляются Паллада, Марс и Нептун. Каждый из них произносит надгробное слово, славящее заслуги умершего. Паллада призывает все науки оплакать с ней вместе покинувшего их императора — покровителя мудрости, создателя нового просвещенного государства. Марс в отчаянии, что умер такой славный воин. Горе Нептуна, как и в пьесе Журовского, заставляет бושевать океан:

Се под Нептуном моря страшно закипели,
Се купно с ветры волны громко заревели!
Стонет Океан, что уж драгого не стало
Любителя. Балтийско, что близко то стало
Несчастье при берегах. Каспийско же ныне
Больше всех, что однажды плавал по нем сильне.

(стр. 72)

---

⁸ См.: Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 473.

⁹ См.: В. Тредиаковский, М. Ломоносов, А. Сумароков. Стихотворения. Л., 1935 (Библиотека поэта. Малая серия), примеч., стр. 243. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

Моря Балтийское и Каспийское упоминаются и у Журовского.

Элегия Тредиаковского по своему построению напоминает большую пьесу, где выступают те же действующие лица, что и в школьной драме Журовского. Характерно, что автор не только передает их речи, но и описывает их поведение, сопутствующие словам движения. Так, Марс падает, встает, возводит к небу взоры, потом, «в большую пришед ярость», как и в пьесе Журовского, кидает на землю шлем и саблю: «Дела, — рече, — храбра я один не исправлю!». Россия в горе «то мечется, потом недвижима». Паллада «падает, обмирает, власы себе комит, все на себе терзает, руки себе ломит». Все это очень похоже на ремарки в пьесе. Ученик Славяно-греко-латинской академии, Тредиаковский был хорошо знаком с приемами школьной драмы; работая над элегией, он зрительно представлял себе образы, которые ввел в свое стихотворение, и сделал их такими же действующими «измышленными персонажами», как и автор пьес «Слава российская» и «Слава печальная».

Если элегия, как считают комментаторы, написана в год смерти Петра, то вполне понятна ее переключка с ораторской прозой и драматургией того времени. С последней ее роднит и силлабический стих с парной рифмой, близкий к стиху пьес Журовского.

Позднее к подобным образам обратится и Ломоносов, учившийся к Заиконоспасской школе как раз во время ректорства Журовского. Говоря о Петре, своем любимом герое, он подчеркивает, что царь-преобразователь «Россию, варварством попранну, с собой возвысил до небес». В его одах, в том числе и в лучшей из них — оде 1747 г., мы находим знакомые нам по литературе 20-х годов образы Марса и Нептуна:

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.

Паллада-премудрость заставляет «божественны науки» служить Петру (стр. 134—135). Подобно Журовскому, у которого музы «поют слезно», прощаясь с Петром, у Ломоносова «музы с воплем провозают» дух умершего царя «в небесну дверь».

В надписях к статуям Петра Ломоносов называет его «отцом отечества», который «ради подданных лишил себя покоя» (стр. 145) и славит «дела Петровы»:

Гремящие по всем концам земным победы,
И россов чрез весь свет торжествовавших следы,
Собрание наук, исправлены суды,
Прременное в реках течение воды,
Покрытый флотом понт, среди волн грады новы. . .

Поэт упоминает здесь те же страны, которые «действуют» в пьесах Журовского: Персию, Турцию, Швецию, Польшу (стр. 146).

Все сказанное убеждает нас, что пьесы Ф. Журовского, и в особенности «Слава печальная», прочно входят в общий поток литературы 20-х годов XVIII в. и если не открывают, как считает Щеглова, новую тему — о делах Петровых и самом царе-преобразователе, то во всяком случае убедительно разрабатывают ее и вводят в оборот ряд образов, которые будут служить писателям не одно десятилетие.
